

ВОВКА-САТЮК

Итак, он прикатил к бабушке совсем сонный, потому что со станции выехали к вечеру, а дорога была неблизкая. Пока дедушка выпрягал усталую лошадь, вышла на крыльцо бабушка и всплеснула руками. Вовка ничего этого уже не видел: он спал сном праведника.

— Вот так гость! — засмеялся дедушка.— Бери его под белы руки, ничего не услышит.

— Хоть бы травы побольше подстелил, старый прохвост, всего парня, поди, растряс. Ох, ты мои андели, глазки-то так и слипаются,— бабушка Катя взяла Вовку на руки и унесла в дом.

— Ядреный парень, что ему делается.

Дедушка снял узду, и согретые удила брякнули о лошадиные зубы. Лошадь всхрапнула, отставила ногу и тут же принялась за траву. А на траве уже доспевала роса, и ночь спокойно затихала вокруг.

Вовку уложили спать в чуланчике. Пахло сеном, но опять же он ничего этого не слышал. Ночью шел тихий дождик, сквозь его ровный шум можно было услышать, как хрупала жвачку и вздыхала корова, как летал в темноте заблудившийся комаришка и как хлопотно менялись местами куры. Потом все затихло.

Вовка еще никогда не бывал в деревне. Ему приснилось, что будто бы он катался на трехколесном велосипеде, а потом ходил с отцом в зоопарк и там катался уже не на велосипеде, а на маленькой лошадке. После всего этого он вдруг начал летать по воздуху, потом во дворе пинал резинового верблюда.

Летом всех раньше встают курицы. Они-то и разбудили Вовку своим криком, хотя и после того, как он выспался. Он сел на постели и стал вспоминать, что было вчера, но хотелось в уборную, и мальчик вышел.

В сарае летали белогрудые ласточки, они присаживались под самую крышу, кормили птенцов, на жердочке висели березовые веники, ворота были открыты, и солнце светило прямо в ворота. Вовка подошел к воротам и внизу, в огороде, увидел дедушку.

— Что, брат, выспался? — спросил дедушка.— Ну беги в избу, да сейчас чай будем пить.

Прибежала бабушка Катя, узнала, что внучек хочет в уборную, и подвела его к дырке, что была в самом углу повети. Вовка долго не решался сделать дело, недоумевая и не веря, что это и есть уборная, осмелился и решительно начал поливать бревна.

— Гляди, не свались! — сказала бабушка и, пока Вовка надевал матросский костюмчик, подмела веником поветь, приставила грабли к сеновалу. После этого умылись из медного ручкомойника, так как никакого крана не было, и сели пить чай.

Дом был стар и широк, с хлевами и въездом, со всякими воротцами и окошечками.

Вовка обошел вокруг всего дома. Чего только не было у деда напасено! И все из лесу. Прежде всего в глаза бросалась большая поленница, от нее пахло смолой и высохшей древесиной. Тут же были сложены березовые плашки, окоренные для

лучины. Далее Вовка выпытал у деда, что тонкие еловые колья пойдут на изгородь, а из толстых можно драть дранку для крыш, что из березовых кряжей получатся полозья для колхозных дровней, а груда скрипучей, сверху желтой, снизу белой бересты пригодится для перегонки в деготь.

— А что такое деготь?

Дед показал и деготь в глиняной кубышке. Он был черный, как тушь, и густой и годился для смазки сапог и приготовления лекарств.

За двором росла черемуха. Дедушка насрывал с нее ягодных веток и подал внуку, от темно-коричневых вяжущих ягод Вовкин язык сразу стал как резиновый и не умещался во рту.

В широких лопухах лениво бродили курицы. Синело высокое небо, теплым ветром обдувало зеленый огород с картошкой и луком. Белая бабочка села на травинку и замерла, изредка вздрагивая крылышками. Прошла на реку с бельем бабушка Катя, следом за нею шел кот Кустик и медленно жмурился. Дедушка у крылечка сел долбить ступицу для колеса, а Вовке опять захотелось пить, и он пошел в избу. Напился из тяжелого медного ковшика, отдышался и вдруг увидел на стене около печи ряд палочек, написанных углем. Вовка сосчитал, палочек было восемь. Тогда он взял с шестка уголек и дописал еще столько же, получилось шестнадцать, а он умел считать до восемнадцати, поэтому дописал еще две. Под конец он хотел написать внизу свое имя, но раздумал и снова направился к дедушке.

— Сходи, брат, сходи погуляй! — сказал ему дед и начал закуривать из киста.

Вовке уже давно хотелось на реку к бабушке, и он побежал туда. Кстати, там же сидел и кот Кустик.

Так незаметно и прошел первый Вовкин день в деревне.

* * *

А потом дни побежали быстро и слились в один красочный, богатый день, который запомнит Вовка на всю жизнь. Мальчик загорел и обжился на новом месте, бегал далеко за деревню щипать малину, ходил и на сенокос. Теперь дедушка частенько брал Вовку на сенокос, особенно после того дня, когда Вовка сидел дома один.

В тот день дед с бабкой долго не шли с сенокоса, и Вовка подставил табуретку к часам, влез и подвел стрелки на три часа вперед. От одиночества он не знал, что делать, обстриг у кота усы, и от этого Кустик перестал ловить мышей. К тому же потерялись ножницы.

— Ну и сатюк! — сказал тогда дедушка.— И в кого ты уродился такой сатюк?

«Сатюк» сопел и, ничего не говоря, скрипел пальцем по стеклу. Ножницы нашлись, дед таинственно подмигнул Вовке, а бабушка тоже не сердилась, особенно после одного случая.

Дело было так. Все курицы по утрам поочередно садились в две кадушки, где лежали подкладыши — деревянные, вырезанные дедушкой яички. Каждая курица

после того, как снесет яйцо, на весь дом долго кричала и-кокотала, будила Вовку. Он вспрыгивал и первым делом бежал к кадушке, брал теплое белое яичко и тащил к бабушке. Бабушка Катя хвалила Вовку и гладила его по голове. — Что, андели, выпался?

Вовка бежал за другим яичком. Но однажды, как раз в тот день, когда Кустик лишился своих усов и бабушка сердилась за ножницы, оказалось, что одна кура кладется не в кадушку. Бабушка Катя всполошилась.

— Вот, батявка, опять, как летось, парить надумала! — ругала она курицу. — Нет, чтобы по-людски, в кадушку, так она вдругорядь, наверно, под сараем кладется!

Бабушка взяла ухват и начала щупать ухватом под сараем. Вовка стоял рядом.

— Ну-ко, Владимир, ты потончавее, полезай да поищи та мотка гнездо-то. Вовка еле пролез. Под сараем было темно и жутко, только маленькое оконышко светилось в стене. Потолок, а вернее пол, был так низко, что даже Вовка, при своем росте, не мог разогнуться. Вовка сперва струсил, оглянулся, но бабушка Катя приободрила его.

— Тут я, Вовка, тут!

Он долго шарил в темноте, нашел гнездо с яйцами. Их оказалось целых двенадцать штук! Вовка перетаскал их бабушке, она сложила их в подол и унесла в кладовку, а он, довольный, вылез из-под сарая. У него оторвалась пуговица от штанов, и в избе бабушка взяла клубок ниток и иголку.

— Ну-ко, андели, вдень ниточку-то в ушко; такое ушко крохотное, убей, не вижу. Да штаны-тоними, а я пуговку пришью.

Вовка нитку вддел, а штаны снимать наотрез отказался.

— Да что ты, батюшко!—заговорила бабушка Катя.— Разве можно так пришивать! Ведь я тебе всю твою память к штанам пришью. А каково ноне без памяти-то!

Без памяти оставаться не хотелось, и штаны пришлось снять. Бабушка пришила пуговицу, правда, другую, непохожую, и они пошли в поле помогать дедушке копнить сено.

* * *

Только-только дед с бабкой Катей сметали стог, а Вовка только всласть наелся малины, как начали собираться тучи. Побелела на синеве неба дальняя полуразваленная церквуха, на горизонте, над гребенчатым лесом запереворачивался с боку на бок по-стариковски капризный гром, притихла рожь на придорожном клину, еще назойливей стали мухи — и вдруг все затихло. Но вот набежал и запутался в траве ветреный холодок, дунул и настоящий ветер, перевернул на дороге сухую коровью лепешку.

Едва прибежали домой, как хлестнул дождь, и бабушка Катя закрыла трубу, накинула на зеркало полотенце, спрятала в шкаф самовар и, торопясь, подставила под застреху пустую бадью. В бадью, как из водопровода, забарабанила звонкая дождевая вода.

Они сели на крыльцо — дед, Вовка, бабушка Катя, и Вовка радовался, что кругом столько воды, а тут не мочит.

— Запряжет, батюшка, он свою колесницу, Илья-то Пророк, да и ездит, и ездит по небу-то,— объясняла бабушка Вовке.

— Не слушай ,ты ее, Владимир,— вступился дед,— не слушай, наплетет она тебе с три короба. И ездит, и ездит! Брала бы ступни да шла корову доить.

— Да что ты, старый водяной, еще и коров-то не пригоняли.

— И ездит, и ездит! Ты сама посуди, какую надо телегу, чтобы такой стук получился. Кто тебе ноне поверит?

— О господи, — перекрестилась бабка, — молчал бы уж.

— И ездит, и ездит. Пойдем, Владимир, в избу, не обращай на нее внимания. Дождик кончился сразу, туча пошла дальше, показалось солнышко. Полная бадья чистой воды стояла под застрехой, трава у крылечка зазеленела сильнее и дымилась, обсыхая. Вылез из-под крыши круглый воробей, чирикнул дважды и улетел по делам. Радостно заметались по улице ласточки, и большой дождевой червяк старательно переползал дорогу. Весь мокрый прибежал откуда-то Кустик, отряхнулся и обдал Вовку холодными брызгами, а бабушка послала Вовку пощипать на грядке луку.

— Да не щипи, батюшко, с одного-то гроздка, а разных щипи! — крикнула она внуку и поставила самовар.

Пришли коровы, закатилось солнце, и бабка отвела Вовку в чуланчик, уткнула одеяло ему под бока. Ему велено было спать и ногами не дрыгать, иначе придет запечный дедушка, положит в мешок и унесет. Так прошел и еще один день, и еще, но Вовка их не считал.

* * *

Между тем начали жать рожь комбайном, и однажды Кустик поймал за печкой мышь. Усы у кота выросли новые. Кустик долго забавлялся с бедным мышонком, пока бабушка Катя веником не прогнала их обоих. Вовка еще долго с испугом глядел, как в сенях Кустик своей лапой шевелил полуживого мыша, а когда тот пытался убежать, то его снова хватили за шиворот.

Опять белая курица завела гнездо под сараем, и Вовка дважды извлекал яйца, снова было несколько гроз и несколько раз пришивали пуговицу, лук в огороде начал желтеть и стал невкусный, зато поспели угреватые огурцы и розовая морковь.

Все это время ходила к бабушке за молоком соседка Анна Семеновна. Как-то бабушка послала к ней Вовку попросить домашних дрожжей растворить квашонку:

- Сходил бы ты, Вова, к Сенихе, скажи, не дашь ли, бабушка, дрожжей?

Вовка взял посудину и побежал к Сенихе Он так и назвал ее Сенихой. Старуха дрожжей дала, но спросила:

— Ну-ко, милый, скажи, кто это тебя эдак говорить научил? Вовка молчал, а когда дома рассказал обо всем, то дед расхохотался, а бабушка Катя заойкала:

— Ой, ой, прохвост, что ты наделал-то! Да ведь я тебе говорила, зови ее бабушкой, что она теперече подумает, ой, ой!..

— Ай да Вовка-сатюк, ну и сатюк,— не мог успокоиться дед и смеялся, а Вовка не понимал, в чем дело.

Вечеру пришла за молоком Сениха. Она поздоровалась и села на лавку. Бабушка Катя налила ей в тарку молока и поставила углем палочку на стене около печи.

— Ну-ко, матушка, сколько я у тебя молока-то выносила, не знаю, как и рассчитывать теперь,— сказала Сениха.

Бабушка Катя посчитала палочки на стене.

— Ой, девка, что-то уж больно много ты наподбивала-то,— снова проговорила Сениха,— неужто и правда такое количество?

— Такое, матушка, такое. Век никого не обманывала. После каждого разу и ставлю столбик.

— Да ведь и я-то дома столбики каждый раз ставлю, уже больно сумнительно, вроде бы много у тебя наставлено.

— Век, Семеновна, никого не обманывала, век. Сениха поправила сарафан на коленях. Вовка видел, как обе старухи пошли в Сенихин дом считать Сенихины столбики, потом они вернулись и снова пересчитали тутошные столбики.

— Бабушка, а мои палочки прямее твоих! — подскочил он и дописал еще пять палочек.

Бабушка Катя заохала, запричитала:

— Ой, ой, прохвост, гли-ко, ты меня острамил-то! Ой, ой, прости, Семеновна, ради Христа. Ведь он это столбиков понаставил, некому больше. Дедушка смеялся, бабушка Катя ругалась плачущим голосом, а Сениха качала головой, говорила:

— Толку-то сколько, толку-то... Проворный! Сегодня за дрожжами-то пришел...

— Хоть кого острамит,— махала руками бабушка Катя, и дед приговаривал:

— Ай да Вовка, ну и сатюк, от молодец, всю арихметику спутал, вот бы тебе в нашу кантору...

Вовка не любил, когда разговаривали про него, убежал на улицу. Как раз из прогона выходили коровы, и он еще издали сразу узнал бабушкину корову.

* * *

Ночи стали холоднее, и он спал теперь в летней половине. Здесь не летали комары и не пахло сеном. Каждый раз к Вовке приходил Кустик, устраивался рядом и доверительно мурлыкал. Вовка и сегодня улегся и думал под Кустиково мурлыканье. Вошел дедушка, вывалил в решето огурцы и поскреб за Вовкиным ухом своим жестким, но ласковым пальцем.

— Набегался, сатюк? Ну, спи, брат, спи.

Пока Вовке спать не хотелось, и он спросил:

— Дедушка, а почему папа с мамой спят на одной кровати, а вы с бабушкой на разных?

— Кх-кх,— покашлял дед,— дело-то, вишь, такое, кх-кх, мудреное. Больно уж ты востроглаз. На одной, говоришь, спят?

— На одной.

— Так ведь кровать-то у вас там какая, железная?

— Железная.

— И шарики светлые?

— Ага.

— Ну вот. На такой кровати полдела ночевать. А у нашей бабушки вон кровать старая, деревянная, не больно-то мне, брат, интересно на такой кровати спать. Да и клопы кусают. Ну, спи, брат, а мне еще на собрание идти надо.

Но Вовка уже и сам спал, слышно было только, как мурлыкал Кустик. Проснулся Вовка от солнышка. Оно светило из окошка прямо в глаза. На улице колотил в барабанку пастух, Кустика уже не было — удрал спозаранку. Вовка обернулся и увидел, что на полу, на соломенном матрасе спал еще кто-то. Вовка встал и на цыпочках в одних трусах обошел вокруг соседа. Тот спал крепко и храпел.

На полу стояли большие резиновые сапоги, висел на гвоздике макинтош, а на лавке лежала фуражка с толстым портфелем. У портфеля были красивые застёжки.

- Бабушка; это кто? — спросил Вовка в кухне — Тише, Вова, тише,— зашептала она.— Полномоченный это, из району, собрание вчера проводил.

— А что он делает?

— Ну, как что, батюшко, собранья проводит.

Вовке стало неинтересно, он поел и убежал на улицу, а когда вернулся, то уполномоченного уже не было, только портфель.

Вовка потрогал блестящие застёжки, поиграл красивыми скобочками, и вдруг застёжки щелкнули и портфель раскрылся. Вовка испугался, но успел разглядеть, что в портфеле была какая-то книжка, бумаги и бутылка с водкой. К тому же чуть-чуть не выкатилась банка с кильками в томате. Прибежала испуганная бабушка, шлепнула Вовку по заду.

— Ой, прохвост, ой, прохвост! Что ты опять натворил-то, ой, хосподи, батюшко милостивой...

Она начала закрывать портфель, но он ни за что не хотел закрываться. Вовка стоял, обиженный. Портфель не закрывался, бабушка заругалась еще больше: — Рукусуй рукусуюем, ой, ой, что теперь будет-то! Ну-ко, Вова, милой, ты как отстегнул-то? Ну-ко, попробуй, попробуй сам, сам-то, ой, батюшки!..

Вовка в два счета застегнул портфель, а бабушка Катя все еще не могла успокоиться, вытолкала Вовку из летней половины и послала побегать. Бегать, однако, не хотелось. И вообще этот день был несчастливый, потому что впридачу ко всему Вовка ел горох и нечаянно затолкал в ноздрю горошину. Горошина в носу разбухла, Вовка впервые за все время ревел благим матом, когда на медпункте доставали из носа эту проклятую горошину.

* * *

Лето почти кончилось. Уже нельзя было бегать утром босиком, ягоды на черемухе опали, а иные засохли. Рябину наполовину склевали дрозды. Речка похолодела, на скошенном лугу выросла зеленая отава. Однажды дед сказал:

— Ну вот, Владимир, видно, ты нагулялся, парень, нахулиганился. Ты хоть и мазурик, а ехать надо. В школу скоро пойдешь.

Вовка совсем забыл, что живет, в общем-то, в городе, что скоро в школу. Он вдруг вспомнил и свой детсад, и зоопарк, и маму с папой, и ему захотелось ехать домой. Но и отсюда тоже уезжать не хотелось.

Когда дед запряг лошадь и наложил в телегу сена, Вовка понял, что дело серьезное, что ехать надо в самом деле. Он сел в тележный передок — и поехали. Около крыльца стояла бабушка Катя и плакала, прикладывала к глазам свой холщовый передник. А у ног бабушки сидел Кустик и глядел.

Вышла из дому Сениха. Она тоже попрощалась с Вовкой и поцеловала его:

— Расти, батюшко, расти.

Вовка рукавом вытер мокрые после поцелуя губы и уехал. Была середина августа. Вовке было семь лет, и все, что происходило с ним в это лето, навсегда осядет в его безгрешном сердчишке. И, может быть, когда он будет большим, снова приедет сюда и увидит на стене, у печки, следы неровных, шатающихся букв: **ВОВА ПЕТРОВИЧ.**